

18+

БОЙД АЛЕКСАНДЕР

6000 миль по рекам дикой Африки

ТОМ II

Бойд Александер

**6000 миль по рекам
дикой Африки. Том II**

«Издательские решения»

Александр Б.

6000 миль по рекам дикой Африки. Том II / Б. Александр —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981726-6

Книга представляет собой описание научного путешествия по Африке четырех англичан во времена, когда на континенте еще оставались «белые пятна». В этой экспедиции только автору удалось завершить планируемый маршрут. Один участник был вынужден вернуться. Два других спутника автора погибли в течение первых двух лет путешествия. В книге есть описания конфликтов с каннибалами, охотничьих приключений, междоусобных туземных войн и обычаев диких племен. Книга содержит десятки авторских фотографий.

ISBN 978-5-44-981726-6

© Александр Б.
© Издательские решения

Содержание

От переводчика	6
Глава IX. Мое путешествие из Локо в Дорроро	8
Глава X. Продолжение моего пути в Ашаку	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

6000 миль по рекам дикой Африки

Том II

Бойд Александер

Анатолий Павлович Смирнов *Переводчик*

© Бойд Александер, 2020

© Анатолий Павлович Смирнов, перевод, 2020

ISBN 978-5-4498-1726-6 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-1482-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От переводчика

Предлагаю вниманию читателей в моем переводе второй том книги английского исследователя тропической Африки Бойда Александера, который в 1904—1907 годах совершил экспедицию от устья реки Нигер до Нила.

Оригинальная книга вышла в Лондоне в 1907 году и **НИКОГДА НЕ ПЕРЕВОДИЛАСЬ НА РУССКИЙ ЯЗЫК**.

В книге десятки фотографий, сделанных автором и его спутниками.

От себя я добавил несколько примечаний и пояснений к тексту автора, несколько современных фотографий мест, через которые проходила экспедиция, а также несколько географических карт.

Все цветные фотографии, включая обложку, взяты из открытых для копирования источников, а именно, с сайтов – commons.wikimedia.org, unsplash.com, flickr.com

Анатолий Смирнов, переводчик

BOYD ALEXANDER AT THE AGE OF 29, IN 1902.

Глава IX. Мое путешествие из Локо в Дорроро

Конечно, это был печальный для меня день, когда я проводил в дорогу последнего из моих товарищей, и чувствовал, что вынужден провести несколько недель сравнительного безделья, прежде чем смогу воссоединиться с ними и выполнить свою часть работы в нашей экспедиции. Тем не менее, было отрадно ощущать, что с такими способными коллегами, несмотря на серьезные испытания, вызванные болезнями, поскольку я был не единственным, кого атаковал скрытый противник, экспедиция теперь снова будет идти вперед, как будто ничего и не случилось.

Мой брат, не полностью оправившись от сильного приступа лихорадки, присоединился ко мне в Иби, и там остался со мной, пока не получил известие от Талбота, которого в Вазе свалила дизентерия, что тот снова в форме и может продолжить исследование в районе Мёрчисона. Эта новость была сигналом для моего брата присоединиться к Талботу, и я виделся с ним за два дня до того, как лодки ушли. Он взял с собой конвой из пятнадцати солдат и семьдесят носильщиков, которые были нагружены зерном, собранным, чтобы провести исследования в районе Вазе, в это время пораженного самым свирепым голодом в результате неурожая. Голод стал более острым из-за враждебности диких племен из соседних холмистых районов, чьи насилия вызвали карательную экспедицию против них – жестокая необходимость, которая всегда парализует страну на срок не менее двух лет.

1 июля я вышел, чтобы спуститься назад по реке на правительственном пароходе в Локоджу, в надежде, что изменение обстановки, улучшенная еда и комфорт, поставят меня на ноги. Там мою кровь исследовали под микроскопом, что выявило сильное заражение маленькими демонами черной лихорадки. Использование микроскопа, недавно введенного в медицинскую практику страны, является неоценимым благом; микроскоп – очень мощный инструмент в борьбе с африканскими лихорадками. При осмотре крови врач сразу же может узнать, имеет ли пациент малярию или нет, или, как прогрессирует болезнь или выздоровление. Я помню, как однажды в Майфони, доктор Блэр, который осматривал меня, предсказал наступление лихорадки за два часа до того, как я это почувствовал, и поэтому благодаря оперативному приему дозы хинина я быстрее оправился, чем если бы выявил болезнь позже.

Но, вернемся к событиям, о которых я сейчас пишу. Приятный месяц был проведен мной в Локодже в доме майора Меррика, чья доброта и гостеприимство помогли мне лучше, чем медицина, и каждый день я был счастлив, ощущая, что восстанавливаюсь. Помимо моего желания вылечиться, другая причина заставила меня вернуться в Локоджу. Я хотел вернуть упущенное время, пройдя по любому маршруту, с помощью которого я мог бы догнать своих спутников, выбрав тот, который обещал бы наибольший интерес исследователю.

Я выбрал маршрут через холмы Кеффи и Панда, которые образуют западный конец горного плато Северной Нигерии; отчасти потому, что я уже работал в регионе Бену; и отчасти потому, что горный регион всегда тянет зоолога призывом оценить шансы на открытие редких или неизвестных науке местных форм. Кроме того, здесь меньше вероятности, что этот район был уже обследован предыдущими путешественниками из-за естественных трудностей, которые возникают на пути исследователя.

Бену (красная стрелка), Кеффи (желтая стрелка), Локо (синяя стрелка), Локоджа (белая стрелка)

Я взял с собой эскорт из двух солдат и тридцати двух носильщиков, из которых я нарочно нанял 16 человек из племени нуп и 16 из племени хауса; народы которых хорошо уживаются друг с другом, поскольку носильщики из разных племен склонны устраивать ссоры на марше, будучи на службе у белого человека. Также меня сопровождал еще один хауса в качестве проводника-переводчика. Он, как и почти все местные переводчики, нуждался в повышенном

контроле. Хауса – умные и хитрые, а своим даром болтать языком, лестью и симуляциями держат белого человека в невольной зависимости, если последний не понимает местного языка. Пользуясь своим, как им кажется, привилегированным положением, хауса-переводчики часто злоупотребляют полномочиями, которые получают от белого человека, и совершают всевозможные вымогательства и шантажи по отношению к аборигенам.

Река Бенуэ

Часто переводчик отправляется к вождю деревни, и от имени своего хозяина требует овцу или козу, а то и более дорогостоящее имущество, которое он тайно присваивает себе. Конечно, это наносит сильный вред репутации белого человека, который, как следствие, считается туземцами жестоким тираном. Между тем, переводчик, которого чрезвычайно трудно поймать за руку при совершении подобных преступлений, наживается на подобном «бизнесе», покупает лошадей и жен, и считается у соплеменников «большим человеком».

Переводчики – высокооплачиваемые слуги, зарабатывающие до 3 фунтов стерлингов в месяц, очень большие деньги для чернокожего человека. Но этот тариф не распространялся на одного человека, Амаду, который пришел к нам в Иби, имея чуть больше богатств, чем бурнус * на его спине, став по достижении нами Каддаи владельцем нескольких смен тонкой одежды, жен и лошадей. Мы не доверяли ему, но пользовались его услугами. В своем мошенничестве он иногда зависал на очень тонкой нити, но был достаточно умен, чтобы не быть разоблаченным. Его положение в караване давало ему возможность держать людей под пристальным наблюдением, что делало его очень полезным для нас человеком и позже, когда отдельные отряды экспедиции объединились.

* – *плащ с капюшоном, сделанный из плотной шерстяной материи, обычно белого цвета. Первоначально был распространён у арабов и берберов Северной Африки. (прим. переводчика) Бурнус*

Мои замечания о переводчиках применимы также к любому черному посреднику между белым человеком и туземцами. И здесь я хотел бы признать важность того, чтобы все правительственные чиновники были бы обязаны пройти экзамен в практическом использовании языка хауса. Тогда у них было бы не только больше возможностей предупредить злоупотребления, о которых я упомянул, но они также могли бы лучше понять характер туземцев и обрести уверенность в себе. Я помню случай, который привлек мое внимание во время пребывания в «Голд-Кост-Хинтерленд», где чернокожий агент Верховного комиссара, посещая какое-либо селение, чтобы принимать жалобы туземцев, важно сидел, поставив перед собой миску, в которую истцы и просители бросали деньги, чтобы он выслушал их. Он также взимал налог на все случаи возвращения имущества через офис Верховного Комиссара.

Даже в случае тяжбы между двумя зажиточными мужчинами, которые были вызваны для урегулирования спора в офис Верховного Комиссара, часто случалось так, что переводчик неверно доносит до белого чиновника суть дела, способствуя тому, что человек, который платит ему более крупную взятку, всегда выигрывает. Даже если он на 100% неправ. Белый чиновник, не зная местного языка, доверяет вранью переводчика и выносит явно несправедливое решение.

Эти злоупотребления всегда более серьезны в новых зависимых от Британии территориях, такой как Борну, где практически все чиновники не знают языка канури, и мошенник-переводчик может бессовестно лгать, не боясь разоблачения. В более старых английских провинциях, где говорят на языке хауса, есть чиновники, которые достаточно понимают этот язык, поэтому несправедливостей в судебных вердиктах меньше. Кроме того, у переводчика почти всегда есть много врагов, которые всегда готовы донести на него понимающему их язык белому; следовательно, мошенник-переводчик должен быть осторожным.

28 июля я покинул Локоджу и отправился пароходом в двухдневный путь в Локо, местный город с большим рынком, на правом берегу Бенуэ, куда караваны прибывают из Кано.

Отсюда я решил совершить марш по горным склонам. Здесь, на судне, находился отряд войск, направляющийся в район Гонголы для патрульной службы. С ними была обычная толпа негров, которых, когда солдатам разрешали, всегда можно было найти в туземных отрядах, для которых они выступают в качестве временных слуг. Эти слуги, в свою очередь, используют возможности грабежа под прикрытием патрульных. В этой части Африки «слуги» и носильщики очень любят мародерство; в результате, если где-либо намечается военная экспедиция, нет никаких трудностей с получением носильщиков. Я помню, что, когда караван моего брата начал движение в сторону дикой страны к северу от Иби, которая обещала самые привлекательные возможности для мародеров, нам было очень трудно отогнать попутчиков-паразитов, которые присоединились к колонне. Поскольку мне не хватало носильщиков, я взял двух из этих потенциальных мародеров, которые, предвкушая, что у них будут хорошие возможности для грабежа, были рады пойти вместе со мной. Но вскоре они обнаружили свою ошибку.

Я начал переход поздно вечером 31 июля, и прошел в тот день только два часа, оставившись лагерем рядом с грязной маленькой деревней, называемой Ваши. Тем не менее, хижина, которую вождь выделил мне для ночлега, была достаточно чистой, и я был рад ей, так как на следующее утро я сэкономил время на разбор палатки. Это был сезон дождей, когда всегда был шанс быть застигнутым штормом, нарушающим ночной отдых, а возможно и разрушающим палатку. Расстояние, пройденное в первый день, было небольшим, но мы всегда были готовы к неудачному началу при выходе из любого крупного селения, поскольку «бои» ослаблялись преимуществами «цивилизации» и были благодарны, если первый переход бывал недлинным.

На следующий день, несмотря на раннее начало, мы шли только полдня, потому что я почувствовал приступ лихорадки и поэтому решил остановиться и расположиться лагерем; на этот раз за пределами деревни, к которой мы пришли, и которая была даже грязнее последней. В ту ночь я довольно плохо спал из-за сильного ливня, стучащего по моей палатке. Поэтому я провел в кровати весь день и часть ночи, чтобы избавиться от лихорадки и набраться сил, возобновив свое путешествие рано утром 3 августа.

Страна, через которую мы проходили, была плоской, покрытой низким бушем и чахлыми деревьями, и пересекалась несколькими речками с берегами, покрытыми густым тропическим лесом. Речки, в основном, около десяти-двенадцати футов в ширину, сильно раздулись в результате недавних бурь, и мы пробирались через них, утопая чуть не по пояс. Вечер привел нас в Гиддан-Дучи («дома у скалы»), довольно маленькую деревню, у подножия лесистого холма. Пейзаж теперь начал меняться, потому что мы постепенно поднимались, и с высотой расширялся обзор. Монотонность буша кое-где была нарушена заплатками хлопковых полей. Иногда появлялось темно-зеленое пятно зонтичных деревьев.

Поверхность буша стала волнообразной. В Гиддан-Дучи, у подножия холма, жители обрабатывали землю, на которой росли гвинейская кукуруза, и местный орешник, который имеет ярко-зеленые листья, подобно трилистнику, стелящиеся близко к земле. Эти поля привлекали много птиц, и были видны маленькие стаи глянцевых скворцов, которые висели над посевами с намерением полакомиться, когда рядом нет человека. Пара или две черно-белых ворон заняли наблюдательный пост на высоких деревьях у деревни. Каждой деревушке, по видимому, принадлежит, по крайней мере, пара этих птиц, которые действуют как мусорщики и считаются родственниками туземцев.

Нассарава (красная стрелка) Локо (синяя стрелка), Кеффи (желтая стрелка). Расстояние от Локо до Нассаравы 40 км. Расстояние от Нассаравы до Кеффи 30 км.

5 августа мы прибыли в Нассараву, торговый центр и столицу провинции с таким же именем. Это большое селение, населенное хауса и фулани, у него есть мрачный квартал, выдавший лучшие времена, с пустынными и обветшалыми домами, и с нищими, толпящимися на перекрестках. Великие стены, когда-то гордость «королей», которые требовали труда тысяч рабов

для строительства и ремонта, теперь рушатся в результате небрежения жителей и последовательных сезонов дождей.

В дни работорговли Нассарава был процветающим городом с могущественным «королем» фулани и многими богатыми людьми, которые владели большими стадами крупного рогатого скота и овец, а также большим количеством рабов. Это был период под властью султана Сокото, которому его народ должен был платить огромную ежегодную дань в рабах. Но с отменой рабства их богатство оскудело, они больше не могли содержать большое количество своих стад, а бывшие богачи, у которых осталось только один или два раба, сидят в пустых домах, являя просто тени их прежнего величия.

Фулани – интересные люди восточного происхождения, которые, как полагают, пришли в Египет с востока и были изгнаны из этой страны во время фиванской династии 2500 лет назад. Это мнение г-на Мореля, чьи убедительные научные исследования были подтверждены всеми наблюдениями, о которых я смог прочесть. Будучи владельцами больших стад лошадей, крупного рогатого скота и овец, фулани шли туда, где была пища и вода для их животных, поэтому они избегали пустынь, насколько это было возможно, и следовали по более или менее плодородным местам буша и вдоль рек, через центр Африки, пока они не оказались на плодородных равнинах Нигерии.

Для всадников, таких как фулани, более миролюбивые люди на равнинах были легкими противниками, в то время, как горные племена, чьи естественные твердыни представляли большие трудности для нападения, остались непокоренными ими, и до сих пор дикие племена сохраняют свою независимость и остаются враждебными к любому пришельцу в свою страну. Фулани, приняв оседлый образ жизни, вскоре стали богатыми и могущественными на этой земле и успокоились, окружив себя всадниками и многими рабами, совершая набеги на соседние племена, похищая женщин, чтобы заполнить свои гаремы. Поэтому они увеличились и умножились, а их священники создали школы для распространения ислама. Постепенно область распространения фулани расширилась, и многие племена оказались под их влиянием, которые, в свою очередь, постепенно влияли на завоевателей путем смешения крови, до тех пор, пока фулани, сегодня владеющие землей, не стали сильно отличаться от своих, не столь чернокожих предков.

Чистейшие представители старой расы теперь находятся среди кочевников-скотоводов, называемых фульбе, которые живут в буше, кочуя небольшими группами со своими стадами с места на место, ища зеленые долины рек, когда засуха сжигает равнины. Вероятно, это потомки тех, кто пришли с первым исходом в качестве конных слуг и пастухов стад, потому что они не разделили добычу побежденных и не разбогатели настолько, чтобы покупать чужих женщин. Таким образом, проживая свою жизнь среди стад в буше, они не только сохранили свой первоначальный этнический тип, но и с каждым последующим поколением их частные привычки все больше формировались в особую унаследованную природу, когда их бывшие хозяева-одноплеменники оказались в их глазах чужими людьми, чья хватка ослабевала с поколениями, живущими в легкости и роскоши. Фульбе самоорганизовались и откололись от фулани, отогнав в буш скот и овец, которых они могли собрать перед своим уходом. И, возможно, они тоже стали источником беспокойства и страха у своих бывших хозяев.

Фулани со своим волом

Разведение скота является наследственным занятием, как для оседлых фулани, так и для кочующих фульбе; этот факт, который, как указывает г-н Морель, в значительной степени усиливает версию о том, что их происхождение прослеживается на Востоке. Между пастухами и животными возникает своего рода взаимопонимание.

В Борну очень часто можно видеть стадо и пасущих его подростков мальчиков, укрывающихся от жары в тени большого дерева, а вдали от открытого участка их скот блуждает по кустам в поисках редких пучков сухой травы. И удивительно видеть, как пастух начинает

дуть в свой свисток, а затем наблюдать, как животные смотрят вверх, прислушиваясь к призыву и, следуя за своим вожаком, медленно возвращаются к пастуху.

Кочующие фулани, или фульбе, живут в буше, где они делают маленькие хижины из травы для себя и загоны из колючих растений для животных на ночь. На рынках деревень и городов, где живут оседлые фулани, хауса, а иногда и арабы, пришедшие издалека, и куда приходят даже немногие дикари с холмов, вы никогда не найдете фульбе. Вместо этого, в определенные дни они разворачивают импровизированный рынок на обочине дороги или в буше, куда жители соседних деревень приходят покупать молоко и масло.

У фульбе ценятся крупные серебряные монеты, которые они могут перебивать в украшения, бумажные деньги не принимаются, а примитивные раковины каури являются единственной формой валюты, которую они используют, если у покупателя нет ткани, бус или соли. Их кожа несколько бледнее, чем у негров, они худощавы, а их лица – особенно это заметно у женщин – имеют правильные миловидные черты, которые при первом взгляде мгновенно напоминают романтический Восток. Фулани, которые являются магометанами, благодаря своим школам сохранили свою исламскую веру более строго, чем другие народы, которые мигрировали с Востока.

Когда человек проходит по улицам селения фулани или отдыхает под деревьями на рынке в самое жаркое время дня, когда вся трудовая деятельность останавливается, а маленькие дети освобождаются родителями от их задачи носить воду или работать на кукурузных огородах, раздаётся знакомый звук заунывного пения муллы, читающего стихи Корана.

Архитектура селения фулани

У фулани нет друзей среди белых людей, которые лишили их рабов, и поэтому уничтожили их главный источник богатства. И это враждебное отношение к белым поощряется их религией. Несколько лет назад их тлеющая ненависть к обычаям белого человека вылилась в кровавое восстание в Судане благодаря проповедям Махди*, которые получили большое распространение и влияние среди фулани, предвещая победу мусульман над христианами. В некоторых районах Нигерии исламские проповедники в 1903 году также спровоцировали большие беспорядки, утверждая, что в том году, согласно учениям Махди, произойдет «великая победа» над белыми. Белые люди были вынуждены временно покинуть территории, подвластные махдистам. Это привело к необходимости карательной экспедиции против них, а стены их городов были разрушены. «Великой победы» не произошло, а вера в доктрины Махди сменилась некоторыми сомнениями. Теперь проповедники фулани говорят, что белый человек однажды устанет жить в этой стране, и поэтому они терпеливо ждут, полагая, что в один прекрасный день белые уйдут.

* – *антиколониальное восстание в Судане, которое возглавил Мухаммад Ахмад, объявивший себя «Махди» (мессией). Началось в 1881 году и привело к тому, что в 1885 году европейцы на 13 лет были вытеснены из Судана. (прим. переводчика) **Восстание махдистов***

Хауса, составляющие часть популяции в городах фулани, более древние поселенцы в этих местах, чем фулани, которые их завоевали. Скорей всего, это ответвление арабской расы, внешность и обычаи которого изменилась под влиянием крови негритянских народов, в земли которых они пришли. У них наблюдается любовь арабов к путешествиям и арабские способности к торговле, и они одарены определенным интеллектом, будучи, безусловно, самым образованным и цивилизованным народом в Нигерии. Язык хауса является общепринятым торговым языком страны, и возможно трансформировался из арабского языка, что подтверждается многими арабскими словами в лексиконе хауса, а также во всех числах больше двадцати, которые, по-видимому, лежат за пределами обычного диапазона расчётов на рынках, и поэтому сохранились без изменений.

Вероятно, их миграция определялась торговыми маршрутами, и они шли из Египта вдоль побережья Средиземного моря до Триполитании, а затем, услышав о богатой земле на юге, спу-

стились по дорогам караванов через Сахару, чтобы торговать и, в конечном итоге, построить свои населенные пункты. Еще одним доказательством их восточного происхождения является название, данное ими жирафу, животному, которое они впервые увидели в Нигерии, и которое они называли Дарем Ракуме или «кустарниковый верблюд», поскольку хорошо знакомый им верблюд был наиболее похож на диковинное длинношеее животное.

В Нассараве* два потенциальных мародера, которых я взял из патруля на локоджийской лодке, дезертировали. Они явно разочаровались непрерывными переходами, которые не предоставляли им возможности помародерствовать, и исчезли, не дожидаясь оплаты, которая им причиталась. Но сначала они тщательно положили все то, что было поручено их надзору на видном месте в моем доме, из страха, что в случае пропажи этих вещей из другого места, их можно было бы заподозрить в краже и преследовать; такая у них была убежденность в сверхъестественных возможностях белого человека при поиске людей, нанесших ему вред.

* – провинция Британского протектората северной Нигерии, лежащая приблизительно между 6°40' и 9°E. и между 7°40' и 9°40'N. Она расположена на северном берегу реки Бенуэ, чье извилистое русло образует южную границу провинции. Провинция, как и район Баучи, пересекается горными хребтами. **Нассарава**

До середины 18-го века Нассарава была населена многими коренными племенами примитивного типа. Примерно в 1750 году языческое племя игбира, прибыло с юго-запада через Нигер и основало два конкурирующих королевства в западной части провинции. Позже (около 1840 года) пришедшие с севера фулани завоевали часть провинции, основали город Кеффи, распространились до Бенуэ в юго-западном направлении и заняли город и район Абуджи на западе. Фулани также обосновались в городах Нассарава и в Дарроне. В результате, коренные племена были загнаны в холмистые районы.

До британской оккупации государство Нассарава стало частично зависимым эмиратом султана фулани. Племена Нассарава были одними из первых, кто начал открытую агрессию против британской администрации, созданной в Локодже. В январе 1900 года они напали на телеграфную партию в стране Муниши на берегах Бенуэ. В результате была осуществлена оккупация Кеффи британскими войсками и постепенное подчинение провинции. В 1902 году первый британский резидент, капитан Мэлоуни, был убит в Кеффи официальным представителем эмира. Эмир объявил себя непричастным к преступлению, а убийца бежал в Кано, где его приняли весьма дружески, что наряду с другими враждебными акциями со стороны правителей Кано, привело к военной экспедиции 1903 года. Британцы теперь были признаны правителями Нигерии, а эмир Нассаравы уступил свою власть британскому правительству. Работоторговля стала незаконной. Британские суды были созданы в провинциальном центре и в каждом районе, были открыты дороги, и начался рост торговли. В 1905 году потребовалась экспедиция против племени кагоро, которое занимает обширное открытое плато высотой около 1800 футов, через которое от Бенуэ проходит короткая дорога к оловянным рудникам Баучи. Эти люди совершали налеты на селения фулани, угоняя скот и убивали торговцев на дорогах. (прим. переводчика)

Мамаду, «король» Нассаравы, принял меня хорошо, доставив обычный подарок в виде птиц, яиц и калебасов молока. Кроме того, он выделил в мое распоряжение хороший дом и показал, что он знаком с белыми людьми, прислав своих женщин с большими горшками воды сразу после нашего прибытия. Поэтому, я оплатил за его гостеприимство, продемонстрировав ему работу граммофона, который был выслушан с благоговейным и каменным удивлением, пока веселая песня, включающая смех, не заставила уста короля и придворных улыбаться, и это закончилось криками восхищения и всеобщим смехом, когда комик на пластинке закончил петь. Затем «король» и придворные, забыв о приличиях и этикете, повалились друг на друга, хлопая руками по спине и бедрам, катаясь и извиваясь в конвульсиях от судорожного хохота.

Затем я принес свой фонограф и сказал «королю», что, если он произнесет послание к «королю» Дорроро (следующее место, куда я собирался), я бы перенес «жемчужины его красноречия» и передал их его союзнику. Соответственно, он произнес королевское приветственное послание, и, когда через некоторое время машина повторила его, наступила жуткая тишина, пока крики одобрения со стороны свиты не рассеяли его страхи, и он присоединился к общему хору восторга.

Я сделал очень успешную запись продолжительных звуков медных труб, которыми всегда предшествуют процессии этого «короля» через деревни его страны. По форме трубы были скорее похожи на наши рожки; воспроизводили всего две ноты, которые усиливались и постепенно затихали, и тембром были похожи на звуки гобоя. К сожалению, запись была испорчена влагой, прежде чем я смог отправить ее домой.

Мы остались на два дня в Нассараве, к большому удовольствию «боев», которые очень любят болтаться по рынкам городов и получать удовольствие, слыша разговоры о нашем пребывании в селении, с гордой радостью причастности к отряду белого человека. Когда «бои» хорошо провели очередной марш, я всегда давал им подобный отдых, если это было возможно, с юмором относясь к их слабости, потому что это придавало им хорошее настроение, и следующий марш всегда выполнялся лучше.

Торговец народа хауса

Неизменно, незадолго до того, как подойти к большому селению, несколько носильщиков начинали хромать в надежде на длительную остановку для «лечения». В этом конкретном случае «бой» Лоу использовал другую тактику. Он пришел и сказал от имени слуг и носильщиков: «много мыть», что означало просьбу обратиться к местной «прачечной» и затем ждать, пока белье будет выстирано и высушено.

Город, населенный представителями народов хауса и фулани

Следующее место, где мы остановились, было грязной маленькой деревней под названием Ламинга, управляемой старым вождем-лицемером, который прислал мне «подарок»: двух голубей и четыре яйца. Первые были слишком молоды, а последние слишком стары для меня, поэтому я отправил их обратно с соответствующими пожеланиями вождю. Это возымело хороший эффект, потому что вождь пришел с двумя толстыми голубями, молоком и ямсом.

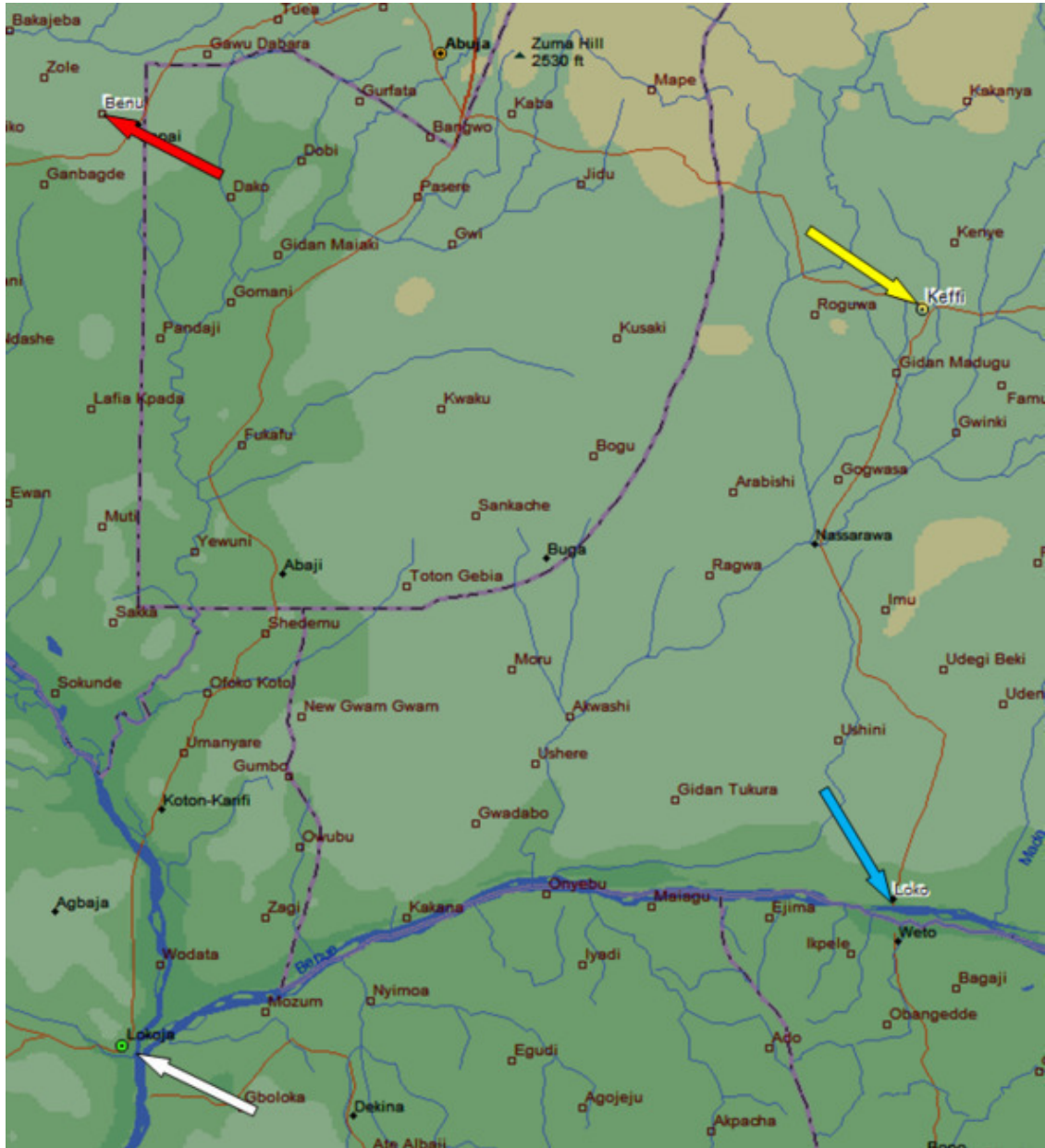
На следующее утро мы покинули Ламингу, следуя по дороге через холмистую страну, где каждый следующий гребень покорялся после утомительного подъема, и после четырехчасового марша была достигнута вершина хребта, откуда на склоне следующего холма появилось селение Кеффи – длинная линия белых домов, окруженная толстыми глиняными стенами. Кеффи был когда-то важным городом, прежде чем он был «проучен» британской экспедицией, которая была отправлена для отмщения за убийство капитана Мэлоуни в 1902 году. Наместник (мугаджи) эмира народа фулани в Кеффи подстрекал население на восстание против англичан, а Мэлоуни, вопреки предупреждению своих людей, импульсивно вошел в дом наместника, где находились жены последнего. Это нарушение исламских обычаев вызвало гнев магаджи, и он приказал туземцам убить капитана копьями. Говорят, что небольшой зеленый холм над городом является местом погребения капитана.

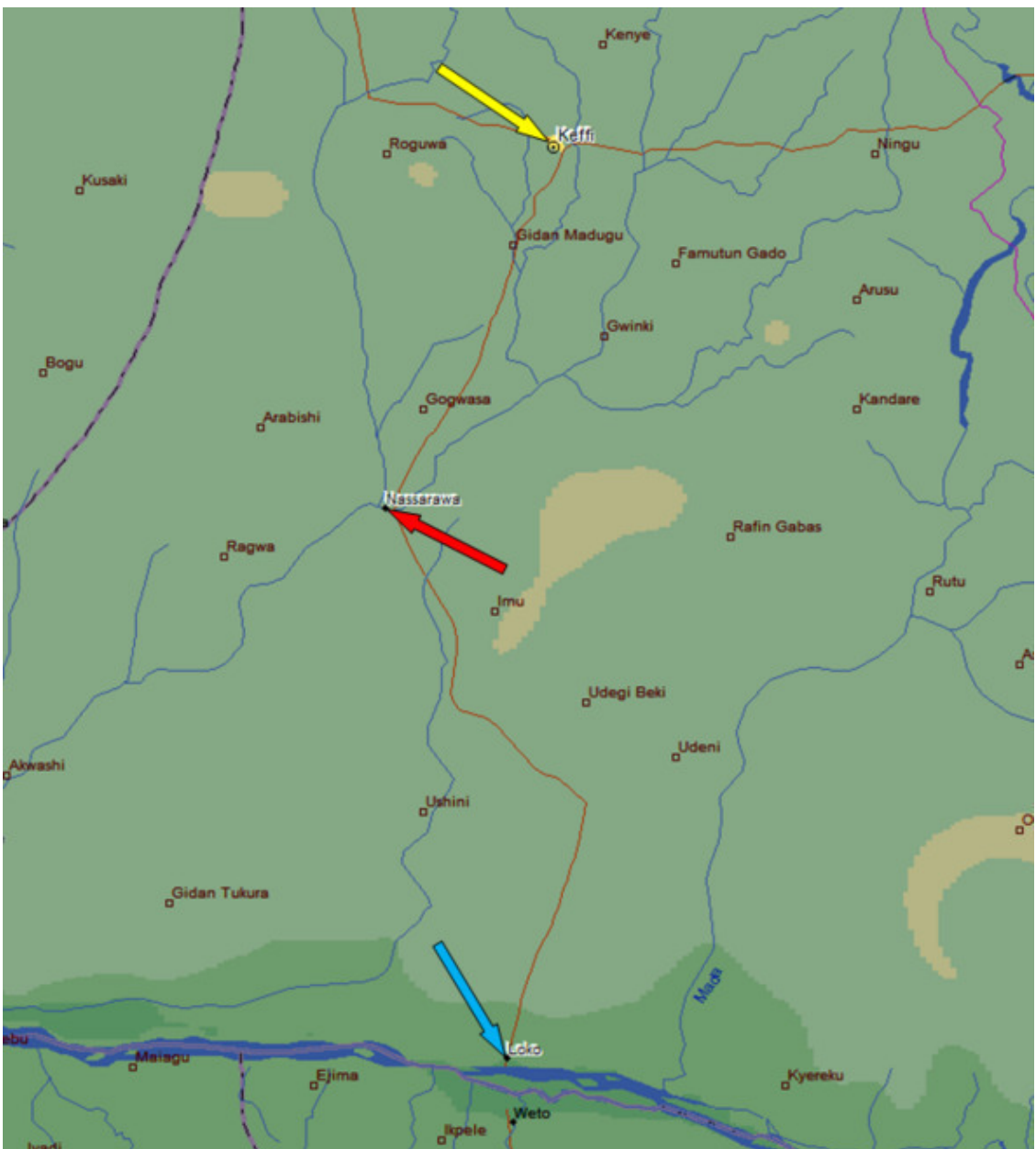
Дома в Кеффи большие и хорошо построены. Я остановился в пустынном дворце магаджи. В центре одной из комнат высотой около 20 футов, была огромное круглое зернохранилище, которое поднималась прямо к крыше, напоминая одну из печей в ущелье Кентиш.

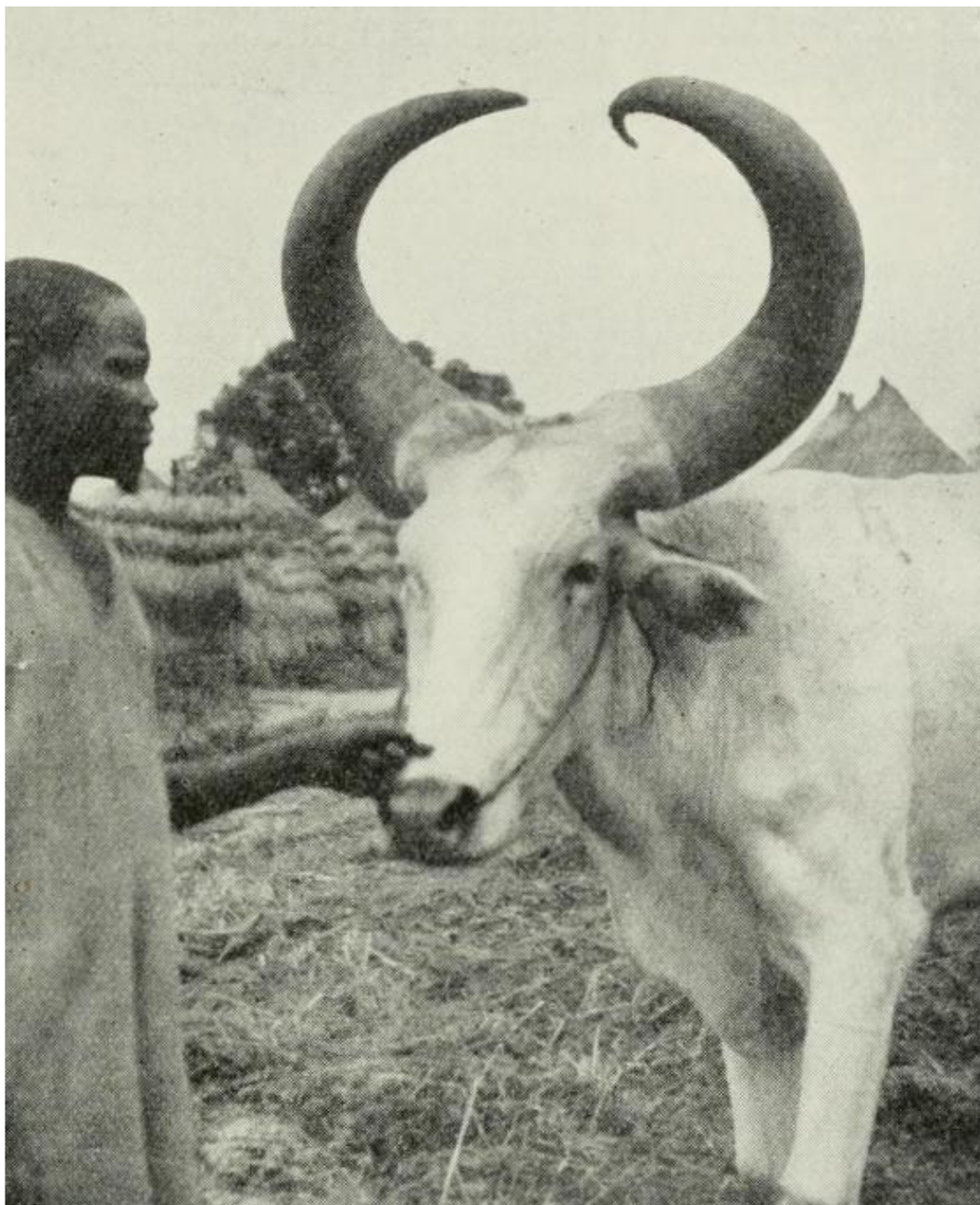
После Кеффи мы покинули главную дорогу, следуя в северо-восточном направлении. В тот день нам пришлось пробираться через много разлившихся ручьев, и четыре часа такого рода путешествий были достаточно утомительными, поэтому мы расположили лагерь в следующей маленькой деревне. Дожди теперь превратились в постоянные ливни, что сделало переходы тяжелой работой, учитывая наши частые невольные купания в ручьях и остановки в пропитанных влагой палатках. Моя работа по сбору коллекций также столкнулась с проблемами,

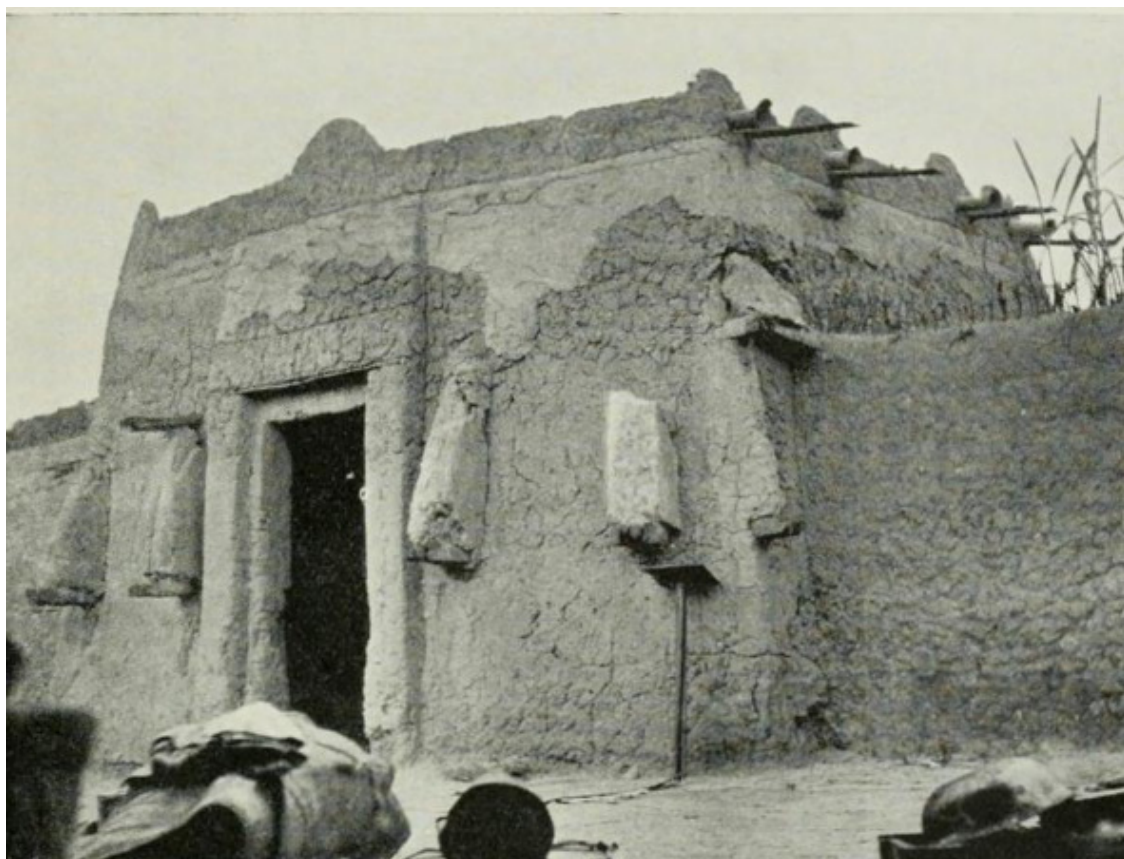
и было сложно сохранить шкуры от влаги. Еще четыре дня этого не очень приятного путешествия привели нас к восточному концу хребта Кеффи и Панды, водораздела рек Гурара и Кадуна. Тропа теперь поднималась и опускалась вверх и вниз по холмам, и следовала за изгибами долин.

Ламинга и Кеффи

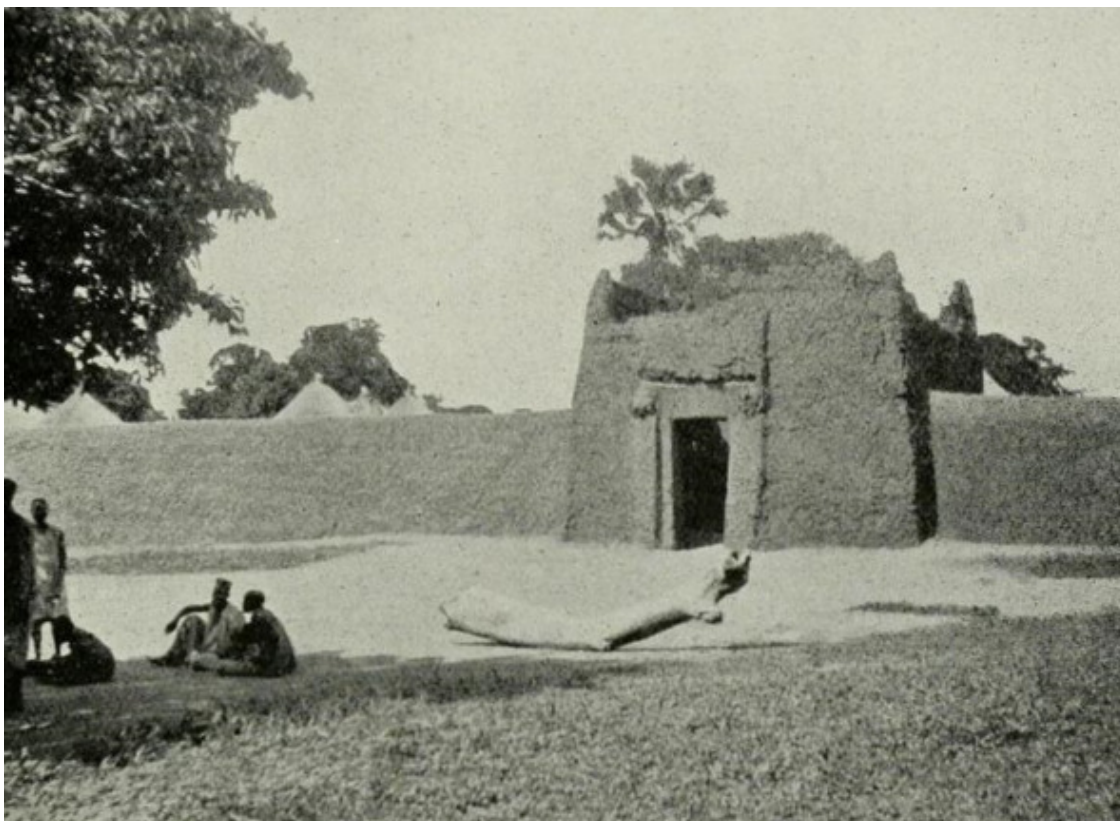

Глава X. Продолжение моего пути в Ашаку

Наконец, мы добрались до Дорроро, города, лежащего в долине у подножия высокого холма с квадратной вершиной. Между городом и холмом проходит река, которая служит защитой для мирных жителей от жестоких племен, населяющих холмы. Эти дикари время от времени нападают на отдалившихся от города жителей, когда те собирают орехи в пальмовых рощах, обезглавливают мужчин и уводят женщин и детей.

Я был хорошо принят «королем», который поселил меня в прекрасном доме и снабдил большим количеством пищи. Вечером я организовал прослушивание фонографа, сопровождаемое чопорной церемонией, и предложил «королю» внимательно слушать, сказав ему, что его друг хочет поприветствовать его. С первых слов он узнал голос своего союзника и отреагировал не более, чем жестом обычного удивления, как бы говоря: «Я не знал, что ты здесь». Затем он встал и с интересом посмотрел на моих «боев», ожидая найти среди них «короля» Нассаравы. Когда я заверил его, что здесь «короля» Нассаравы нет, но я принес его голос в ящике (постучав рукой по фонографу), его лицо исказилось страхом. Я уверен, что на данный момент он смотрел на меня с гораздо большим страхом, чем на его врагов, свирепых людей кагорра за рекой. Ибо было очевидно, что я не только охотник за головами, как они, но и колдун, который умеет оживлять головы, которые он держит в ящике.

«Король» долго не мог прийти в себя, пока я не записал его голос и не продемонстрировал запись. При этом он был сильно удивлен; а затем наслаждался граммофонной музыкой, продолжая выражать крайнее удивление, но его страхи, похоже, постепенно улетучились.

Это был, как всегда, неутешительный опыт в отношении попыток произвести впечатление на туземцев чудесами наших изобретений. К нашим умственным способностям они испытывают уважение, но не больше. У них нет воображения, чтобы постичь те творческие усилия, которые были приложены для изобретения того или иного «чуда». Их знание вещей ограничено пределами того, что они видят повседневно. Во многих районах, в отличие от данного случая, туземцы без удивления воспринимают все, что делает белый человек. Они давно решили, что белый человек может путем колдовства делать то, что ему нравится, а колдовство для них – это термин, который не следует понимать. Они преклоняются перед тем, кто может пользоваться этими неизвестными силами, как собаки стелются перед своими хозяевами, но, как и собаки не восхищаются им.

На следующее утро я отправился на разведку, чтобы найти путь в страну племени кагорра, поскольку я очень хотел узнать немного о его людях. Сведения, которые мог получить о них, казались мне интересными. Но я недалеко ушел – «король» Дорроро, и его конные люди в большом волнении поскакали за мной, чтобы предотвратить мой поход, выказав дружеское, но твердое несогласие с моими намерениями путем проявления силы, преградив мне дорогу. Ибо «король» заявил, что я, несомненно, буду убит кагоррами, добавив, что дикари ненавидят любого, считая его врагом. И он указал на землю у реки, которая была их полем битвы, сказав, что там были убиты многие с обеих сторон. Далее он сказал, что, если какое-либо зло постигнет меня, моя смерть будет отомщена британским правительством, от чего пострадает его народ. Соответственно, я оставил холмы в покое. Эти холмы тянутся вплоть до Бадики, который находится в пятидневном переходе к западу от Баучи.

Последующий однодневный марш привел нас в деревню, называемую Конинкум, где туземцы сначала убежали, когда услышали выстрел моего ружья, который я необдуманно произвел для пополнения своей зоологической коллекции. Через некоторое время мне удалось убедить их вернуться, но я, возможно, сильно напугал их, поэтому не мог получить от них ничего. Они были грязными, жили в небольших круглых хижинах, которые были более грязными, чем свиной хлев. Внутри, перед выходом из хижин находились четыре маленьких

закутка, где спят дети, а задняя половина хижины предназначена для мужчин и женщин, которые спят вместе, голые, как свиньи. Вход настолько низок, что можно пробраться только на четвереньках. Излишне говорить, что я не искал приюта ни в одной из подобных деревень, но отошел подальше, и в проливной дождь расчистил просеку в длинной траве для своей палатки.

На следующий день мы пришли к глубокой стремительной реке с таким сильным течением, что было невозможно ее пересечь. Я сначала попытался навести веревочный мост, но «бои» не могли удержаться и были смыты течением. К счастью, там были тонкие деревья, густо растущие вдоль берегов, и поэтому я смог сделать мост, повалив эти деревья.

Два дня пути из Конинкума привели нас на холмы Качи-Панда, где живет дикое племя качи, которое не признает брачные обычаи. Носят только листья, а многие из женщин носят не что иное, как любопытный орнамент, который имеет цилиндрическую форму, длиной около 8 дюймов и выполненную из витой веревки. Когда в орнамент вплетена латунь, это обозначает девственность. Это украшение свисает над нижней частью спины и удерживается на месте веревкой вокруг чресел. На небольшом расстоянии это похоже на хвост. Они также используют *pelele*, отвратительную процедуру, в ходе которой два диска из дерева вставляются в отверстия в верхней и нижней губах. По мере взросления используются более крупные диски, пока не достигается результат, когда у взрослых женщин губы выдаются вперед дальше, чем нос. Их тела, даже у младенцев, намазаны красной глиной.

В одной из этих деревень к нам вышла отвратительная беззубая старуха, одетая только в ее «хвост», на котором не было латуни, и вывалила разрезанные каперсы перед нами. Ее тело тоже было намазано красным, и когда я спросил ее, почему она его разрисовала, она сказала, что всю свою жизнь прожила, чтобы «приносить наслаждение мужчинам своей красотой и танцами».

Деревни качи расположены у подножия двух небольших холмов, на нижних склонах которых на обогащенной вулканической почве в изобилии растут хорошие кукуруза и земляные орехи.

Еще через два дня мы прибыли в Катаб, довольно большой город народа фулани, живописно окруженный густыми рощами кокосовых пальм. Город располагался на торговом пути, поэтому там был рынок, где мы могли пополнить запасы продовольствия. До этого на нашем маршруте такая возможность была редкой, и я жил на консервированных пайках. Мы покинули Катаб ранним утром и после трехчасового марша добрались до берега реки Кадуна. Это оказалось серьезной проверкой нашего умения преодолевать препятствия, поскольку у нас не было надлежащих средств для переправы.

Туземная женщина с «*pelele*» в губах

Река вздулась от дождей, и ее русло было шириной тридцать ярдов, течение было довольно быстрым. Сначала казалось безнадежной затеей переправить тридцать две коробки, так как единственным средством были плоты, связанные из бамбуковых пучков. На них туземцы ложатся сверху и двигаются при помощи ног, как пловцы, при этом неся свой багаж голове. Я попробовал этот метод переправы, но коробки оказались слишком тяжелыми, и эксперимент привел к тому, что первый же ящик был сброшен в воду. Затем я подумал о своей ванне из полотна, и она оказалась очень полезной для переправы легких вещей. Самые сильные пловцы среди «боев» очень хорошо справлялись с задачей, подталкивая ванну перед собой. Но проблема ящиков все еще не была решена; также проблемой была транспортировка моей собственной персоны, так как еще школьником я был почти утоплен, обучаясь плаванию, и с тех пор так и не смог овладеть искусством держаться на воде.

Река Кадуна (красная стрелка), Кеффи (белая стрелка). Расстояние между этими объектами 120 км.

Случилось так, что с остальной частью моего багажа я нес гроб, который мне был доверен в Локодже, чтобы доставить его по назначению в другое место, где жили белые представители

британского правительства. Сначала я колебался использовать гроб не по тому назначению, для которого он был изготовлен. Но, в конце концов, мне показалось, что гробу суждено было побывать паромным судном, и прежде, чем нести свой скорбный груз, он может послужить и мне. Поэтому я спустил «паром» на воду и сел в него. К счастью, у него было достаточный запас плавучести, чтобы нести мой вес по воде, имея 3-дюймовый надводный борт.

Меня отбуксировали на середину потока, и гроб, после нескольких захватывающих моментов, унесенный на семьдесят ярдов ниже по течению, коснулся противоположного берега,

Прошел весь день, потраченный на переправу через реку, и работа была очень трудной. Поэтому мы не пошли далее, а разбили лагерь на берегу реки, где и остались на весь следующий день, пока я исследовал соседнюю территорию в поисках птиц.

С этого места я отправился в северо-восточном направлении, обходя подножия холмов, решив не знакомиться с их жителями. Через два дня мы достигли холма Петти, изолированной массы с крутыми склонами, поднимающимися, примерно, на 800 футов (240 м) над равниной и усыпанной огромными глыбами вулканических пород. На нижних склонах имелись небольшие водные источники, обрамленные пышной растительностью и висячими лианами, с редкими мелкими хлопковыми деревьями. Я нашел очень интересную фауну, характерную для холмов, с местными формами, не найденными на равнинах.

Дикие люди холмов прекрасно сложены, но имеют грубые и неприятные черты лица, очень похожие на манчи, которых они напоминают своим скудным костюмом, мужчины, носят более, чем примитивное покрытие, а у женщин одежды вообще нет. Они умелые охотники и бойцы, использующие отравленные стрелы, а их цель – охота за головами. Они постоянно совершают набеги на более мирных жителей равнин, когда те работают на полях, и отрубают им головы. Они используют небольших пони размером с шотландских, с помощью которых поддерживают общение одного холма с другим. Их хижины сделаны из глины, причем пол, обычно, намного ниже уровнем, чем вход. В одной из хижин я увидел ряд человеческих черепов, тщательно отполированных и нанизанных на одну веревку. Из моей палатки у подножия холма я наблюдал, как эти любопытные люди сидят на корточках группами, как многие виды обезьян, и часами греются на солнце на больших выступающих плитах скалы. При моем приближении они внезапно исчезли в своих скалистых убежищах.

Поднимаясь на вершину холма, я обнаружил прекрасный вид на нигерийскую равнину. Воздух был чист после сильного ночного дождя. На много миль по бесконечной равнине раскинулись поля кукурузы. В кукурузе были рассеяны группы хижин. Воистину, это была картина плодородия.

С холма Петти я на восемь дней отправился в восточном направлении в Бадикко через страну пышной растительности и высокой травы, которая обрамляла наш путь плотными массами с обеих сторон. Это была бедная дичью страна, ни я, ни «бои» не видели ни одного животного с тех пор, как мы начали переход из Локо.

Бадикко (белая стрелка), река Кадуна (красная стрелка). Расстояние между объектами 75 км

На полпути к Бадикко мы вошли в более открытую страну в окрестностях горы Гора. Дорога была прекрасной и проходила между травянистых холмов. Ниже в долинах трава была высокой, и маленькие ручьи текли среди зеленых зарослей высоких бамбуков, которые я впервые увидел в этом путешествии.

Фулани добывают олово из этих ручьев, собирая его в трубочки из коры и обрабатывая его для украшений, по большей части, браслетов и колец.

На следующий день я увидел вершину холма Заранда на восточном горизонте, поэтому я знал, что нахожусь недалеко от Баучи (10° 18' 57" с. ш. 09° 50' 39" в. д.), где была возможность услышать известие о других участниках экспедиции. Еще один дневной марш привел

нас в этот город. К моему большому разочарованию я не услышал ни слова о своих товарищах, и единственное известие, которое я смог добыть, было то, что мой брат прошел через это место шестью неделями ранее.

Бадикко (синяя стрелка), гора Заранда (красная стрелка), Баучи (Белая стрелка), река Гонгола (желтая стрелка). Расстояние от Бадикко до Баучи 65 км.

Баучи является самым важным из всех городов народа фулани и столицей большой провинции. Он красиво расположен у подножия зеленого холма, его белые дома расположены вверх по склону. Вокруг возведена великолепная глиняная стена, около 15 футов высотой и 6 футов толщиной, с прекрасными задними воротами, оборудованными ставнями из дерева, и башнями с лестницами внутри, чтобы следить сверху за обстановкой. Здесь есть большой рынок, где недавно процветала торговля рабами, главным товаром. На самом деле слово «Баучи» означает «рабство», и город когда-то был одним из крупнейших рабовладельческих рынков в стране.

Провинция Баучи на карте Нигерии

По прибытии местный эмир прислал мне овец, яиц, и хороший запас еды для «боев». Я отправил ему свое благодарственное послание и сказал, что заплачу на следующий день. Он является могущественным правителем и поддерживает свою территорию в порядке, живя в большом дворце, построенном в египетском стиле, о котором я говорил в прежней ссылке на архитектуру фулани.

По прибытии нас к дворцовым воротам или «секикинфада», посланец эмира вышел из группы придворных, собравшихся в тени распускающегося дерева, распахнул двери дворца и удалился, чтобы сообщить эмиру, что я пришел. Вскоре эмир вышел, чтобы поприветствовать меня. Ему предшествовал его «догари» или палач, который кричал хриплым голосом пустые дифирамбы своему королю; говоря, какой это могущественный правитель и какие большие дела и подвиги тот совершил. «Алкали», или главный судья, стоял рядом с эмиром, а вокруг него стояли исламские священнослужители и советники, составлявшие большую свиту.

Эмир пожал мне руку, и мы прошли внутрь, проходя через большой, высокий зал с крышей из засохшей глины. Затем мы прошли через внутренний двор и переднюю камеру в комнату, где слуги эмира усадили его на подстилку из шкур. Он продолжил разговор, обращаясь ко мне, как «Большой белый человек из-за моря, пустившийся в долгий путь», и «Большой человек с двумя большими лодками и многоголосой трубой (граммофоном)». Мне понравился намек на граммофон, поэтому я спросил его, хочет ли он услышать трубу, на что он с жаром ответил «Да». Затем граммофон был принесен и приведен в действие с самым приятным эффектом, потому что обычно суровое лицо эмира расслабилось, и он был увлечен музыкальным ансамблем, и голосами, поющими песни в незнакомой ему гармонии. Он был очень впечатлен, когда в ответ на его вопрос я сказал, что не получаю деньги от короля, и совершаю путешествие за свой счет. Это, похоже, сильно подняло мой авторитет в его глазах. Он, видимо, очень хорошо был информирован о продвижениях отрядов экспедиции, и мне кажется, что он заранее имел беседу с моим проводником и запомнил детали наших путешествий, прежде чем дать мне аудиенцию. Я осмелюсь сказать, что информация также просочилась через его слуг от «боев», которые всегда ведут себя в новом городе, как глашатаи, хвастаясь и хорошо зная по опыту, что чем больше «поднимут репутацию» своего хозяина, тем большее значение будут иметь сами в глазах местных жителей.

На следующий день эмир пришел ко мне, чтобы нанести ответный визит. Он ехал во главе отряда, состоящего из сорока всадников, его охранников и оркестра наездников с длинными трубами и барабанами. Трубы, называемые «аллигатами», издавали довольно красивые звуки низкого тона, и немного напоминали волынки, но сами исполнители играли музыку, которая напоминала победные фанфары, перемежающиеся с панихидной темой.

Предполагалось, что эмир тайно враждебен британскому господству; что очень естественно, глядя на него, завоевателя по своей природе, свирепого истребителя и правителя, который когда-то обладал непоколебимой властью над людьми и жизнями тысяч рабов. Но теперь он лишен могущества и боится, наряду с другими, более слабыми правителями, которых он презирает и давно бы сожрал, если бы мы не надели на него намордник.

Здесь есть британский гарнизон, расквартированный, примерно, в миле от города, состоящий из роты западноафриканских пограничных сил, с офицером и двумя сержантами. Есть британский резидент, а также врач. Это служит хорошим сдерживающим фактором для эмира, которому не позволено вмешиваться в нечто большее, чем самому вершить правосудие и контролировать свои собственные тюрьмы.

Я оставался в Баучи два дня, во время которых был занят охотой на птиц, отправив домой свою вторую коробку заготовок для чучел с сержантом Белверстоуном, который уезжал в отпуск и очень любезно предложил мне взять посылку под свой контроль. Следующей моей целью была Ашака на реке Гонгола, которая была выбрана в качестве базы для исследовательского отряда.

Баучи (белая стрелка), река Гонгола (желтая стрелка), Ашака (красная стрелка). Расстояние от Баучи до Ашаки 145 км.

Это был также самый дальний пункт, куда должны быть доставлены лодки до того, как они будут переправлены по главной дороге в Гайдам для их плавания по реке Йо.

Страна вокруг Баучи отлична от той, что я недавно пересек, представляя собой территорию, где заметны черты пустыни с редкими кустами и характерной чахлой акацией. Фауна тоже начала приобретать характерные суданские формы, и здесь я добыл своего первого хохлатого жаворонка. Я не шел в Ашаку по главной дороге, которая идет на северо-восток через Гомбе, но затем отклоняется на восток по известному маршруту через Горам, Куфу и Ако к реке Гонгола. Следуя практике, которой я придерживался во всех своих путешествиях, я шагал по дороге, считая шаги и переводя их в ярды, делая наблюдения с помощью призматического компаса через каждые 500 ярдов. Мой метод состоял в том, чтобы загибать палец после каждой сотни ярдов, и эта привычка настолько глубоко укоренилась, что мой «бой» Кавассо, сказал мне, что часто видел, как я часами загибаю пальцы и считаю во сне.

Я обнаружил, что эта часть маршрута на карте военно-геодезического управления была нанесена правильно, чего я не могу сказать о большей части моего пути. В более ранний период колонизации эта часть работы была очень небрежно выполнена; несомненно, многие из первоходцев не имели достаточной квалификации, в то время, как другие были ленивы и ехали по маршруту, прикидывая среднюю скорость передвижения своих лошадей и записывая первые же названия географических объектов, которые слышали от туземцев, не удосужившись перепроверить информацию.

Вопрос об африканских названиях рек, гор и селений всегда является самым сложным для аккуратного картографа. Когда умирает вождь, его деревня переименовывается в честь его преемника, и очень часто последний, если он оказывается основателем новой династии, уводит людей и обустраивает свою деревню в новом месте. Или, в случае с реками, одна и та же река в разных селениях вдоль ее берегов часто называется по-разному. Таким образом, новая карта Африки, каким бы тщательным образом она ни была составлена, устаревает через год или два.

Трубачи в Баучи, играющие на «аллигатах»

В Гораме меня очень любезно принял «король», который послал мне обычное подношение («даш»), состоящее из нескольких овец и коровы. Сделав ему ответный подарок тканью, достаточно большой, чтобы выразить свою признательность за его щедрость, я попросил его взять корову назад. Иногда путешественник не нуждается в таких больших количествах пищи, когда совершает длительные переходы, эти большие запасы провианта являются сомни-

тельным благом. Если кто-то попытается вернуть часть подарка, чтобы уменьшить размер собственного ответного подарка, его репутация пропорционально уменьшается в глазах «короля».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.